

DOI: 10.35852/2588-0144-2024-1-10-27
EDN AVWJXF
УДК 792.2(=161.1)"1917/1918"

П. Н. Гордеев
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия
ORCID: 0000-0003-2842-4297

«Дом Островского» и революция: Малый театр в октябре 1917 — январе 1918 года

АННОТАЦИЯ

История Малого театра в первые месяцы после Октябрьской революции, полная настоящего, не сценического драматизма, до последнего времени оставалась малоизученной. В настоящей статье она впервые подробно исследована на основании материалов различных архивов Москвы и Санкт-Петербурга. После разгрома театра в начале ноября 1917 года перед потрясенной труппой встали две неотложные задачи. Во-первых, следовало устранить последствия вторжения и начать давать спектакли (в целом это удалось сделать к концу ноября). Второй, гораздо более сложной задачей было определение места Малого театра в изменившемся мире, с учетом новых политических реалий. Труппа разделилась на тех, кто выступал против сотрудничества с большевиками («непримиримых» возглавлял А. И. Сумбатов-Южин), и сторонников соглашения с советским правительством (эту партию в труппе представлял другой руководитель театра, О. А. Правдин). Впрочем, и Южин, и Правдин (оба — заслуженные артисты, мэтры сцены) полагали, что театр должен в любом случае сохранить право на автономное самоуправление. К концу января 1918 года необходимость заключить формальное соглашение с большевиками стала очевидной; дальнейшая неопределенность в положении «Дома Островского» разрушала труппу, отдельные представители которой начали готовиться к уходу на частную сцену. В результате недолгой внутренней борьбы в театре было принято решение допустить представителей Художественно-просветительного отдела Московского городского совета, возглавляемого большевичкой Е. К. Малиновской, к обсуждению «Временного положения государственного московского Малого театра», которое должно было определить и внутреннее устройство театра, и его отношение к верховной власти в стране.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Малый театр, революция 1917 года, Октябрьская революция, А. И. Сумбатов-Южин, О. А. Правдин, Е. К. Малиновская.

DOI: 10.35852/2588-0144-2024-1-10-27
EDN AVWJXF
УДК 792.2(=161.1)"1917/1918"

Petr N. Gordeev
Herzen State Pedagogical University of Russia,
Saint Petersburg, Russia
ORCID: 0000-0003-2842-4297

Ostrovsky's House and the Revolution: The Maly Theatre in October 1917 — January 1918

ABSTRACT

The history of the Maly Theatre in the first months after the October Revolution is full of real, non-stage drama. It has yet remained little studied. In this article, it is observed in detail for the first time on the basis of the materials from various Moscow and Saint Petersburg archives. After the theatre's destruction in early November 1917, the shocked troupe faced two urgent tasks. Firstly, it was necessary to overcome the consequences of the invasion and start the working and creative process again (it happened by the end of November). The second and more difficult task was to determine the place of the Maly Theatre in the changed world, taking into account new political circumstances. The troupe was disoriented: some spoke against the cooperation with the Bolsheviks (the "irreconcilables" were led by A. I. Sumbatov-Yuzhin), while others supported an agreement with the Soviet government (this group was headed by another theatre leader O. A. Pravdin). However, both Yuzhin and Pravdin (honored artists, masters of the stage) believed that the theatre should in any case maintain the autonomous self-management. By the end of January, 1918 the need for some kind of formal agreement with the Bolsheviks became obvious. Further uncertainty in the position of the *Ostrovsky's House* was destroying the troupe. Some of its members were preparing to leave for the private stage. After a short struggle inside the theatre, it was decided to admit representatives of the Artistic and Educational Department of the Moscow Council, headed by the Bolshevik E. K. Malinovskaya, to discuss the *Temporary situation of the State Moscow Maly Theatre*. It was supposed to determine both the internal structure of the theatre and its attitude to the supreme power in the country.

KEYWORDS

Maly Theatre, revolution of 1917, October Revolution, A. I. Sumbatov-Yuzhin,
O. A. Pravdin, E. K. Malinovskaya.

Некогда императорский, а с весны 1917 года государственный Малый театр к началу революции обладал сплоченной труппой, в составе которой было немало звезд первой величины, и мог рассчитывать на заслуженную любовь московской публики и на солидный бюджет придворного ведомства, преобразованного в Комиссариат Временного правительства. Но, казалось бы, прочное положение одного из столпов русского искусства не убергло театр от тяжелых испытаний, выпавших на долю «Дома Щепкина», «Дома Островского» после прихода к власти большевиков. Изучению событий первых трех месяцев после большевистского переворота (чрезвычайно насыщенных событиями для театра) посвящена предлагаемая вниманию читателей статья.

«ПОСЛЕ КОШМАРНОГО СНА...»: РАЗГРОМ ТЕАТРА И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

Октябрьская революция и последовавшие кровопролитные бои на улицах Первопрестольной не оставили равнодушными никого из москвичей. Многолетний руководитель труппы Малого театра, выдающийся артист А. И. Сумбатов-Южин (занимавший в то время пост уполномоченного комиссара Временного правительства над бывшим Министерством двора по Малому театру) в эти дни несколько раз безуспешно пытался дойти от дома до театра. Привычка к письменному труду (Южин был известным драматургом, вел обширную частную и служебную переписку) помогла ему 31 октября, в период нарастающего отчаяния, зафиксировать свои мысли на бумаге, в особой записке, текст которой предназначался, видимо, самому себе. Рассчитывая на неприкосновенность театрального здания («сегодня, за 2 часа до того, как я пишу эти слова, я имел сведения, что ни один человек извне не проник в него»), Южин думал в это время не столько о нем, сколько о судьбе страны и народа. «И никакой надежды на будущее, ради которого рушилось прошлое. Подрезаны в корне все мечты, все упования, вся вера. В общей карте мира Россия окрашивается в один цвет с Азией, подвластной высшей культуре. Оказалось, славянское племя и все, что к нему прикоснулось — лишены самобытной силы англосаксонских, латинских и германских народов. Разодранная в клочья, лишенная государственной идеи, предавшая славянство, запятнанная позором измены и трусости в глазах и врагов, и союзников, доведенная до нищеты, служащая на словах опытным полем для утопических идей крайнего социализма, а на деле — ареной насилия, бесправия, грабежа и беззакония — Россия гибнет трагически, от своей собственной руки, гибнет обезумевшая и обесславленная, с дикой стремительностью отдавая без сопротивления все, чем она жила — свою мощь, свою землю, свое историческое величие, осуждая на великое, безысходное рабство будущие свои поколения». Завершалась «записка» возгласом отчаяния: «Ужас, позор и гибель!!» [1, л. 8–9, 12 об.].

Таким образом, как очень мягко выразилась одна из советских биографов артиста, «Южин не сразу осознал всю грандиозность происходящего

исторического сдвига, не сразу увидел созидательное начало Октябрьской революции, ее великое гуманистическое содержание» [2, с. 26]. Последовавший вскоре, в первых числах ноября, жуткий разгром Малого театра прибывшим с Кольчугинского завода отрядом красногвардейцев [3, с. 53–72] поверг уже всю труппу «Дома Островского» в состояние шока. Настроение театральных кругов после этих событий выразил один из рецензентов: «...словно проснулся после кошмарного сна» [4, с. 5]. Однако в реальности окончательного «пробуждения» не наступало, кошмар не отпускал — поэтому, несмотря на крайнюю неприязнь к «вандалам», стоявшим во главе театра А. И. Южину и О. А. Правдину (управляющему Малым театром; этот пост в сложившейся при Временном правительстве системе театрального управления был рангом ниже «уполномоченного») пришлось в экстренном порядке установить хотя бы формальные отношения с представителями новой власти, прежде всего с Е. К. Малиновской, назначенной Московским военно-революционным комитетом (МВРК) комиссаром всех московских театров.

Южин был знаком с Малиновской еще с дореволюционных времен: в его архивном фонде сохранилось недатированное, но относящееся, судя по содержанию, еще к императорскому периоду письмо Елены Константиновны с благодарностью за «содействие успеху вечера» (по всей видимости, Южин участвовал как лектор: «Что касается материального успеха лекции — сбор был полный»), одной из устроительниц которого она являлась и который должен был дать «возможность выпустить издания, необходимые для удовлетворения многочисленных запросов из глухих мест» [5, л. 4]. Но в конце 1917 года положение радикальным образом изменилось: придерживавшийся в это время патриотических и антибольшевистских взглядов Южин [6, с. 729–737] не желал никакого сближения с большевичкой Малиновской, кроме минимально необходимого контакта, связанного с очищением здания Малого театра от красногвардейцев. 12 ноября Южин писал в Петроград главномуполномоченному по государственным театрам Ф. Д. Батюшкову: «Когда в Малый театр 4-го явилась комиссар Малиновская, я потребовал прежде всего — вывода из здания всех вторгшихся в него лиц. Это было исполнено немедленно и театр был очищен от завоевателей в 4 часа дня 4-го ноября. Я организовал его охрану нашими служащими и приступил к возможному приведению его в порядок. Во 2-х, 5-го числа я заявил Малиновской, что я и Правдин являемся выборными лицами автономной труппы, а я сверх того Уполномоченный Временного Правительства, перед которым и несую ответственность за дело. Что 7-го я собираю Общее Собрание, по директивам коего и буду действовать впредь до получения инструкций из Петрограда, от Учреждений б. Министерства. Она рассыпалась в уверениях, что никакого вмешательства в жизнь театра она не внесет. И действительно, до минуты, когда я пишу эти строки, ни я, ни Малый театр ее больше видом не видали» [7, л. 5 об. — 6]. В резолюции, вынесенной 7 ноября на общем собрании артистов и служащих Малого театра (ее черновой текст испещрен пометами Южина, бывшего одним из авторов, если не единственным создателем этого документа), идея

максимального дистанцирования Малого театра от большевиков также прозвучала, хотя и в несколько обтекаемой форме: театр, до выработки своего Статута и утверждения его Учредительным собранием, должен был «действовать и ведаться» на началах «полного самоуправления выборными его органами, без всякого вмешательства в дело его Управления каких бы то ни было учреждений или лиц, не входящих в его состав» [8, л. 115].

Отношение Правдина к представителям новой власти было несколько более сложным. Уже 4 ноября он получил от МВРК приказ о своем «временном назначении» управляющим Малым театром [9, л. 1] (то есть на ту же должность, которую он уже занимал несколько месяцев). Возможно, этот документ доставила Правдину лично Малиновская, посетившая в тот день Малый театр; полномочия А. И. Южина и Л. В. Собинова как уполномоченных по Малому и Большому театрам были подтверждены МВРК (с оговоркой «впредь до особого распоряжения») днем позже, 5 ноября [10, с. 205]. В личном фонде Правдина в Бахрушинском музее сохранилось письмо к нему Малиновской, написанное в первой половине ноября 1917 года (в тексте упоминается МВРК, деятельность которого продолжалась вплоть до 14 ноября [10, с. 11]): «В Совете невероятная спешка, поэтому сделала minimum того, что хотела бы сделать. Надеюсь, что Вы с Александром Ивановичем временно установите взаимоотношения, а на ближайшем общем собрании всех работников театра выяснится, кого следует утверждать В[оенно]-Р[еволюционному] К[омитет]у. Пока вручать полномочия от имени Врем[енного] П[равительст]ва В[оенно]-Р[еволюционный] К[омитет] не считает возможным», — писала Малиновская, предлагая поддерживать связь («Я все дни буду или в Совете или в нашем театре») [11, л. 1–1 об.].

Указание на установление взаимоотношений может говорить как о неопределенности в полномочиях, так и о существенных разногласиях между двумя лидерами Малого театра. В подробном письме-отчете А. В. Луначарскому Малиновская так оценивала расстановку сил в Малом театре в январе, когда обоим московским казенным театрам она сделала предложение «собраться и поговорить»: «Малый (драмат[ический]) театр встретил нас сдержанно-приветливо. В нем два течения: крайнее правое с Южиным во главе и крайнее левое — Правдин и сравнительно молодые артисты. Центр безразлично относится ко всему, кроме контрактов. С левой я весь год была в лучших отношениях. Все они, однако, относясь хорошо ко мне, очень недоверчиво относились к большевистской власти» [12, с. 39]. Конечно, переоценивать «лучшие отношения» Правдина с представительницей власти Военно-революционного комитета на рубеже 1917–1918 годов не стоит; «недоверчивость», по образному и сильно смягчавшему реальные эмоции выражению Малиновской, во многом определяла в это время душевное состояние и лидера левой части труппы, тяжело переживавшего разгром Малого театра. 29 ноября Правдин писал драматургу П. П. Гнедичу: «Южин и я — бодры и не утратили веру в Бога и Искусство... а вот в “человека” — извините» [13, л. 10].

СПЕКТАКЛИ С НОВА ИДУТ, НО «ВСЁ КРУГОМ ГИБНЕТ»

В театре постепенно ликвидировали материальные последствия разгрома. «Начало уборки. Переговоры с Е. К. Малиновской», — отметил 5 ноября Правдин в своей записной книжке, тогда же приписав: «Не мог в 7 ч. вернуться домой (патруль не пустил)» [14, л. 88]. Лишь к середине ноября труппа смогла вернуться к обсуждению планов творческой работы, которые теперь неизбежно переплетались с политическими вопросами. 17 ноября 1917 года впервые после переворота состоялось заседание Репертуарно-художественного комитета (РХК) Малого театра, проходившее под председательством Правдина. Во вступительном слове председатель доложил собравшимся, что «работы по приведению театра в надлежащий вид после произведенного разгрома находятся в таком положении, что он надеется к 21 нояб[ря] закончить их и начать с этого дня спектакли». Значительная часть заседания была посвящена репертуарным вопросам. В связи с просьбой М. Н. Ермоловой об освобождении ее от участия в спектаклях, ввиду «болезненного состояния», до 1 января 1918 года, репертуар пришлось спешно пересматривать; в частности, теперь исключалась постановка пьесы О. Уайльда «Женщина, не стоящая внимания» (в протокольной записи — «Женщина без значения»), в которой была занята Ермолова. Пересмотрев и обсудив ряд пьес с точки зрения как наличия для них артистов (РХК хотел «по возможности не изменять ранее намеченных исполнителей»), так и общего «отношения к переживаемому моменту», комитет наметил к постановке «Бешеные деньги» А. Н. Островского и «Декабриста» П. П. Гнедича. Для остающейся без роли из-за снятия пьесы Уайльда Е. Т. Жихаревой Правдин предложил возобновить «Гедду Габлер» Г. Ибсена, однако комитет нашел это «несоответственным моменту» и «присоединился к предложению А. А. Яблочкиной (внесенному в этом же смысле) возобновить “Цену жизни”» [15, л. 51 – 52].

Из трех намеченных РХК пьес произведение Островского, конечно, в наименьшей степени соответствовало «моменту» и было выбрано потому, что являлось частью классического репертуара, любимого публикой и хорошо знакомого актерам Малого театра. «Цена жизни» В. И. Немировича-Данченко, представлявшая собой в некотором смысле попытку переосмысления «Грозы» Островского (в пьесе есть и прямая цитата из «Грозы») художественными средствами новой, психологической, драмы, также была далека от событий 1917 года. Возможно, членов РХК привлекло ее название, обретавшее особенную важность в те дни, когда вся Москва хоронила погибших. Лишь произведение Гнедича касалось связанного с революцией сюжета. При этом характерно, что наследниками реальных декабристов себя считали и большевики, и их противники (З. Н. Гиппиус писала в стихотворении «14 декабря 1917 года»: «Мы были с ними, были вместе, / Когда надвинулась гроза. / Пришла Невеста. И невесте / Солдатский штык проткнул глаза. // <...> О, петля Николая чище, / Чем пальцы серых обезьян!» [16, с. 222]). Таким образом, невольно или осознанно, члены РХК оставляли за собой пространство для маневра:

обращение театра к декабристской теме можно было в зависимости от ситуации толковать и как поддержку новой власти, и как антибольшевистскую демонстрацию. Понимая ценность пьесы для «момента», Правдин с удовлетворением писал Гнедичу 29 ноября: «Вследствие останковки спектаклей на целый месяц весь план репертуара пошел к черту. Но “Декабриста” мне удалось удержать» [13, л. 9].

В начале ноября одним из острейших для московских театров был вопрос о дате возобновления спектаклей. Вскоре после ухода красногвардейцев Правдин получил письмо от В. И. Немировича-Данченко. «Станиславский передал нам Ваше желание быть в курсе вопросов о возобновлении наших спектаклей», — писал директор МХТ своему коллеге. «Приветствуя всякое соглашение с Малым театром на этом вопросе, извещаю, что в Совете Худ[ожественного] т[еатра] он будет обсуждаться завтра, в четверг, в 2 часа дня. Если Вы придете, мы будем очень рады. Или пришлете Вашего уполномоченного?..» Кроме того, Немирович предложил заключить соглашение о совместном возобновлении спектаклей и с Большим театром [17, л. 1]. Можно предположить, что это письмо было написано в среду, 8 ноября, когда, согласно записной книжке Правдина, в Малый театр «пришли все Худож[ественного] театра». А на следующий день (в четверг, 9-го), уже Правдин «выждал Юж[ина] и Павловск[ого] и отправился с ними в Худ[ожественный] т[еатр]» [14, л. 88 об. — 89]. Тогда, на совместном совещании руководителей обоих государственных театров и МХТ, было вынесено решение о том, что «время, с которого допустимо по условиям общего положения дать возобновление деятельности этих театров, устанавливается объединенным советом их управлений» [18, с. 5].

В результате Малый театр вновь открылся для публики 21 ноября (в один день с Большим и Художественным [19, с. 1]) спектаклем «Горе от ума», которым в Малом по традиции открывали сезон [20, с. 529]. Все три театра начали работу, как отмечалось в прессе, со «сверхполными сборами» [21, с. 3]: зрители соскучились по любимым артистам, за судьбу которых они, конечно, переживали. Этот эффект проявил себя не только в первый день работы. «Мы начали играть 21-го. Спектакли идут почти при полных сборах», — с удовлетворением сообщал Правдин П. П. Гнедичу 29 ноября [13, л. 9 об.]. В прессе стали вновь появляться рецензии на спектакли, в том числе на самую яркую постановку осени 1917 года — «Саломею» [22, с. 6–8] (в связи с которой в первые дни после ноябрьских боев чересчур поспешно писали об утрате костюмов и возможном снятии с репертуара [23, с. 5]) и на заново поставленные уже при большевиках «Бешеные деньги» [24, с. 7–8]. Как будто в «нормальное» время, к театру стали обращаться общественные организации: так, 15 ноября Солдатский дом Всемирного христианского союза молодых людей (более известного под аббревиатурой YMCA) предложил артистам Малого театра принять участие в «ряде литературных вечеров для солдат в культурно-просветительных целях» (положивший на это прошение резолюцию Правдин согласился отпускать артистов, не занятых в спектаклях, в праздничные дни) [25, л. 1].

Вскоре возобновила свою работу и Комиссия по выработке Статута Малого театра, созданная труппой еще при Временном правительстве и собиравшаяся до прихода к власти большевиков дважды (20 сентября и 24 октября) [6, с. 477–479]. Первое после Октябрьской революции заседание состоялось 7 декабря под председательством Южина, который в самом начале предложил «на обсуждение вопрос: возможно ли в настоящее переживаемое русским обществом смутное время продолжать работы по выработке статута и таким образом взять на себя ответственность за коренную реформу театра». После состоявшейся дискуссии члены комиссии пришли к заключению, «что продолжение работ безусловно необходимо, так как корпорация артистов должна быть готова по первому требованию новой законной власти представить те данные, которые послужили бы основой при разрешении вопроса о дальнейшем существовании Московского Государственного Малого театра». Упоминание о законной власти, конечно, не случайное и показывает, что ленинское правительство в качестве такового труппой Малого театра в это время еще не рассматривалось (в противном случае теряется смысл подобного уточнения). При этом работа над Статутом в условиях неизвестности распалась фактически на два проекта: один из них следовало составить с расчетом на то, что театр будет субсидируемым (но при этом сможет и сам вести коммерческую деятельность, получая доход от спектаклей, — этот вариант признавался членами комиссии наиболее желательным), другой предполагал оставление Малого театра целиком бюджетной организацией (однако «при полной автономии» с точки зрения управления). Общий план Статута было поручено составить Южину и, после его разбора в специально образованных подкомиссиях, представить на рассмотрение комиссии 23 декабря, причем в протоколе подчеркивалась «необходимость спешности» этой работы в условиях неопределенности с государственным бюджетом и истекающих 1 сентября 1918 года контрактов с артистами, о продлении которых говорить пока было нельзя, «ибо неизвестно, что дальше будет» [26, л. 7–7 об.].

Д. И. Золотницкий, рассматривая деятельность руководителей Малого театра на рубеже 1917–1918 годов, отметил: «Теперь автономия выделась прибежищем политических бурь, и Южин завершал “хартию вольности” в срочном порядке» [27, с. 69]. Действительно, объем работы, которую необходимо было выполнить в кратчайшее время, учитывая тяжелейшее политическое положение с абсолютно неясными перспективами, приводил в отчаяние. 15 декабря на соединенном заседании двух подкомиссий (список присутствовавших в основном совпадал с собраниями Комиссии по выработке Статута), проходившем также под председательством Южина, последний зачитал проект «в незаконченном виде». После состоявшегося затем обмена мнениями выяснилось, что работа по составлению Статута «настолько обширна и сложна и требует более или менее продолжительного времени, что никоим образом не может быть выполнена к назначенному сроку». Членам подкомиссий оставалось лишь надеяться на немалую работоспособность и усидчивость Южина: они поручили своему председателю «продолжать принятую им на себя работу»,

просили его «принять меры к скорейшему окончанию» этого важного для театра дела, а также одновременно назначили редакционную комиссию, которой поручалась работа над южинским текстом (в ее состав вошли О. Б. Гольдовский, А. А. Кизеветтер и Н. В. Давыдов) [26, л. 8–8 об.].

В каком душевном состоянии работали эти люди? В переписке Давыдова, юриста по профессии и литературного деятеля, многие годы тесно связанного с Малым театром, отразилось гнетущее настроение тех дней. «Трудно верить, что русские люди расстреляли Кремль, попортив соборы, что Екатерининский зал здания Судеб [ных] учреждений пробит снарядом, разорвавшимся в зале, <...> что разгромлен внутри (на сцене и в уборных) Малый театр и т. д. и т. д. до бесконечности», — писал Давыдов 15 ноября 1917 года знаменитому деятелю отечественной юриспруденции А. Ф. Кони. «Но все это бледнеет перед распадом России, нагоняющим, при мысли о совершающемся и имеющем еще совершиться, прямо ужас и отчаянье». Николай Васильевич смотрел на будущее с крайним пессимизмом: «Словом, всё кругом гибнет и (у меня по крайней мере) нет никакой надежды на сколько-нибудь скорое улучшение положения. Россия — бог даст — возродится, но дожить до этого не придется» [28, л. 77 об. — 78 об.].

Тем временем в труппе понемногу расшатывалась дисциплина. 17 декабря Правдин писал Южину о поступке актера М. М. Климова: «Случилось нечто совершенно невероятное с нашей точки зрения, но очень похожее на примемы нынешнего времени: явился ко мне Климов и заявил, что ввиду того, что играть ему придется только после праздников, а он чувствует себя совсем не готовым, то репетировать завтра не будет. Как я его не убеждал, но убедить не смог, а уговорил только съездить к тебе и переговорить лично с тобой. К сожалению, он тебя не застал и прислал мне прилагаемую карточку, где пометил, что остается при своем решении. Я тебя очень прошу, хотя тебе это и будет трудно, приехать завтра и прорепетировать; быть может, если не гримироваться и не заниматься делами, то ты и не очень утомишься. Репетиции обе будут без публики, ибо ты ведь знаешь, что освещение мы получим только от аккумулятора. Видимо, в пьесе придется нам остаться с тобой вдвоем, ибо раньше Климова отказался Рыжов и Худолеев. Завтра я с тобой поговорю обстоятельно, ибо уверен, что ты прорепетируешь и тем хоть несколько успокоишь своего старого друга». Правдин оправдывался, что он пишет «весьма нескладно, но не взыскивай — я по правде “утомился” — ни людей (все режиссеры и самые главные и средние и малые отсутствуют), ни дорог, ни телефонов» [29, л. 17–18]. Разгневанный Южин ответил в тот же день: «Конечно, не может быть и вопроса: при таком “решении”, которое принимается вопреки какому-нибудь формальному или нравственному праву, надо тем, кто не утратил уважения и к праву, и к делу, играть и исполнять свой долг без отговорок. Завтра я буду репетировать, только попрошу твоего разрешения не менять костюмов, которых я не успел приготовить». Не удовлетворяясь личным объяснением, принципиальный Южин (уже «в качестве Уполномоченного») просил дать «официальный ход этому делу»: «Нельзя отказываться

от исполнения накануне генеральной репетиции по личным соображениям, каковы бы они ни были. Это полный развал дела и пока выборная самая труппою власть существует, она не имеет права его допускать» [30, л. 1 – 1 об.].

Рождество 1917 года и день наступления Нового года были лишены обычной атмосферы беззаботного праздника, хотя формально у Малого театра поводы для празднования были: спектакли делали хорошие сборы, возглавлявший театр А. И. Сумбатов-Южин был избран академиком [31, с. 5], на 1 января приходился 30-летний юбилей службы в Малом Е. К. Лешковской [32, с. 5], в наступающем сезоне должен был отмечаться и 40-летний службы О. А. Правдина на той же сцене [33, с. 5]. Слишком тяжелые впечатления породил конец 1917-го — года, когда на московские театры состоялось, как писали в прессе, «нашествие <...> озверевших вандалов» и «порушение “Дома Щепкина”» [34, с. 7]. В этих условиях начинался постепенный распад труппы. В прессе отмечали переход из Малого театра на частную сцену актеров М. М. Климова [35, с. 4] и А. В. Полонского [36, с. 4] и даже переговоры некоего «синдиката антрепренеров» с самим Южиным, который вроде бы согласился перейти в «синдикат» на руководящую роль [37, с. 6] (впоследствии эта новость была опровергнута [38, с. 3]). 29 декабря подал заявление об отставке («по болезни», что было, впрочем, стандартной формулировкой) один из руководителей технической части театра, машинист-механик С. Д. Каверин (был уволен 18 февраля (н. ст.) 1918 года) [39, л. 54 об., 56]. Темной тучей над актерами нависла перспектива лишения жалования вследствие отсутствия соглашения с новой властью; доход от продажи билетов, несмотря на энтузиазм публики, не покрывал дефицит бюджета [40, с. 3].

Хотя творческая жизнь труппы продолжалась (газеты писали о репетициях новинок, «Декабриста» П. П. Гнедича [41, с. 5] и «Пастухов» Д. Я. Айзмана [42, с. 4], о состоявшейся 25 января премьере спектакля по одноактной пьесе Н. Н. Вильде «Удобства жизни» [43, с. 4]), политические события начала 1918 года, самым главным из которых стал разгон Учредительного собрания, не прибавили актерам, и без того пребывавшим в «сугубо минорном» [44, с. 6] настроении, оптимизма и уверенности в будущем. «Минорность» не могла не сказываться на скорости репетиций и подготовке новых постановок. Так, одна из самых ожидаемых новинок, тот самый «Декабрист» Гнедича, постоянно откладывалась; в прессе, следившей за деятельностью театра, обещали премьеру сначала в первых числах января [45, с. 7], затем в середине этого месяца [46, с. 10], потом уже в конце февраля [47, с. 10]. Не вселяли надежду на завтрашний день и слухи о намерениях новых властей создать драматический театр Московского совета рабочих депутатов (возможно, на базе частного театра К. Н. Незлобина) [48, с. 3], подобно созданному Советом оперному театру на основе Оперы С. И. Зимина, а также о возможном придании государственного статуса театру «Аквариум», уже находившемуся в распоряжении солдатской секции Моссовета [49, с. 10]. Очевидно, что оба эти проекта в случае их реализации стали бы прямыми конкурентами Малому театру, бывшему до сих пор единственным казенным драматическим театром в Москве.

ТЕАТР «ПРИЗНАЕТ» БОЛЬШЕВИКОВ

К середине января в труппе обозначился раскол на «непримиримых» во главе с Южиным и сторонников соглашения с большевиками, которых в руководстве театра представлял Правдин. Последний в письме к Гнедичу от 14 января (воскресенье) мягко охарактеризовал свои разногласия с Южиным: «В среду будем иметь конференцию с большевиками... Саша совсем уныл, а мне плевать... Если признают частичную автономию нашу, т. е. не будут совать нос в нашу внутреннюю жизнь, а деньги платить... то быть может установим какой-нибудь *modus vivendi!*» [13, л. 11 об. — 12]. «В Малом театре царит нервное, повышенное настроение в связи с ожидаемым приездом Луначарского, упразднившего должности управляющих труппами. Собрание труппы постановило отстаивать автономные права театра», — отмечал в эти же дни рецензент [50, с. 3]. Вскоре, правда, выяснилось, что Луначарский, которого ждали в Малом 16-го числа (или в среду 17-го, по информации Правдина), сам не приедет, а пошлет вместо себя литературоведа В. М. Фриче, «которому народный комиссар <...> поручил ознакомить труппу с новым режимом» [51, с. 5]. Фриче, назначенный еще 22 ноября комиссаром «по охране удельных и дворцовых имуществ в Москве» [52, с. 2], был в это время активным проводником большевистской политики в мире искусства, за что удостоился язвительных строк от издателя «Рампы и жизни» Л. Г. Мунштейна: «Я знал, что Фриче лезет в грязь, / Попасть в “историю” стремясь» [53, с. 12]. Ему предстояло довести до Малого театра желание «нового режима» в лице наркома быть поначалу хотя бы признаваемым и имеющим голос в театральных делах. Помимо посланцев Луначарского такое же давление на театр оказывали и представители Московского совета рабочих и солдатских депутатов, от имени которого претендовала на руководящую роль в московском театральном мире Е. К. Малиновская. К концу месяца это давление, осуществлявшееся с разных сторон, было уже слишком сильным, чтобы его можно было по-прежнему игнорировать.

26 января вновь собралась на заседание Комиссия по выработке Статута (присутствовало 17 человек, в том числе руководители Малого театра А. И. Сумбатов-Южин и О. А. Правдин). Положение казенной сцены по сравнению с ее предшествующими декабрьскими заседаниями существенно изменилось: в начале января большевики перешли к силовому подавлению «саботажа» в Петрограде, изгнав из здания Дирекции театров и со службы в целом главноуполномоченного по государственным театрам Ф. Д. Батюшкова вместе с поддерживавшими его чиновниками [54, с. 11–17]. В подобных условиях спокойная, постепенная работа над Статутом все более и более оказывалась под вопросом. Тем не менее начали заседание в духе «мирного времени»: неизменный председатель Южин сообщил о том, что Статут будет состоять из десяти отделов, из которых шесть он уже закончил и отдал в редакционную комиссию. Взявшие затем слово члены комиссии дали высокую оценку труду Южина: «Работа эта громадная <...>. Составлена превосходно»

(Н. В. Давыдов), «положительно не ожидал, что в короткий срок можно было сделать такую сложную работу» (О. Б. Гольдовский). Однако сразу после этого Южин придал дискуссии совершенно иной оборот, оповестив собравшихся, что художественно-просветительным отделом Рабочей секции Московского совета рабочих и солдатских депутатов был получен от «Комиссара над б. Министерством Двора» (так в протоколе, но из контекста очевидно, что речь идет, конечно, не о комиссаре Ф. А. Головине, занимавшем подобную должность при Временном правительстве и не имевшем отношения к большевистскому Моссовету, а, скорее всего, о нарком просвещения А. В. Луначарском) «мандат с известными директивами по отношению к Государственным Театрам», вследствие чего отдел «изъявил желание ознакомиться со Статутом».

Взявший слово О. А. Правдин отметил, что прежде всего необходимо выбрать предусматривавшийся Статутом полномочный орган — «коллектив», или Совет театра, который был бы вправе решить стоящие перед театром повседневные проблемы, такие как кадровый состав и вопрос репертуара. «Параллельно с этим можно знакомиться со Статутом и решать жизненные вопросы», — заключил, согласно протоколу, свое выступление Правдин. Лаконичная протокольная запись не дает возможности однозначно определить смысл этой речи, как бы перебивавшей важное сообщение Южина. Возможно, Осип Андреевич, представлявший (и возглавлявший) левую часть труппы и лично уже установивший контакт с представителями большевиков (в том числе с Е. К. Малиновской), не желал допустить однозначного отказа большевикам в праве «знакомства» (а значит, и обсуждения) со Статутом, к чему, видимо, вел дело Южин. Так или иначе, предложение управляющего театром «вызвало возражения в том смысле, что производить выборы Совета на основании Статута, не получившего еще одобрения и утверждения Общего Собрания, преждевременно». Отвергнув предложение Правдина, комиссия вернулась к сообщенному Южиным известию и «после довольно оживленных прений» решила поставить этот вопрос на голосование в следующей редакции: «Признает ли Комиссия целесообразным пригласить делегатов Художественно-Просветительного Отдела Рабочей Секции С. Р. и С. Д. для участия в рассмотрении ею проекта Статута, выработанного по ее предложению Председателем, до утверждения его Общим Собранием».

Голосование по этому вопросу не было заурядным, не относилось к разряду повседневных проблем, решением которых были загружены во время революции органы артистического самоуправления. Фактически речь шла о признании лидерами «Дома Островского» права большевиков влиять на их автономные права, на театральную «конституцию». Этот важнейший в то время вопрос обнажил глубокий раскол среди членов комиссии. Поначалу предложенная резолюция была отклонена с перевесом всего лишь в один голос при двух воздержавшихся. Казалось, что с трудом, но все же была одержана победа партией «непримиримых», отказывавшихся от «контакта» с новыми властями. В это время взял слово Давыдов, заявивший, что «так как двое воздержавшихся от голосования мотивировали свой отказ соображениями о пользе Малого Театра,

то он настаивает на перебаллотировке этого вопроса и что в противном случае считает необходимым выйти из состава Комиссии». Труднообъяснимое (учитывая краткость записи), носившее фактически шантажный характер выступление Давыдова¹ было поддержано актером М. Ф. Лениным, сказавшим, что он «считает участие Н. В. Давыдова в работах Комиссии чрезвычайно нужным, полезным и очень важным» и присоединяется к предложению о перебаллотировке. Состоявшееся новое голосование дало совершенно другие результаты: семеро теперь проголосовали за, всего лишь четверо против и три человека воздержались (еще трое, судя по списку присутствующих, по каким-то причинам не приняли участия в голосовании). К сожалению, сохранившийся протокол не содержит информации о том, какими аргументами Давыдову и Ленину удалось столь быстро и эффективно переубедить целый ряд членов комиссии (отчасти подобному итогу могла способствовать и передача ушедшим с заседания Гольдовским своего голоса Давыдову). Победители решили не откладывать важные дела в долгий ящик; было решено собраться уже на следующий день, 27 января, и «приступить к постатейному чтению уже рассмотренного Редакционной Комиссией Отдела 1-го Статута, в каковое заседание и пригласить делегатов от Художественно-Просветительного Отдела Рабочей Секции С. Р. и С. Д.» [26, л. 9–10, 12].

27 января комиссия собралась вновь. Ее члены в течение трех часов постатейно читали 1-й отдел Статута, приняв его с незначительными редакционными изменениями [26, л. 11]. Более важное заседание состоялось 30 января. На нем впервые, помимо Южина, Правдина, одиннадцати актеров Малого театра и секретаря комиссии Н. А. Василевского, присутствовали делегаты Художественно-просветительного отдела Рабочей секции Московского совета рабочих и солдатских депутатов Е. К. Малиновская (руководившая отделом), Б. П. Кащенко и К. Н. Малинин. Внеся ряд поправок в протоколы

предшествующих заседаний и решив приглашать в будущем для обсуждения Статута представителей технического персонала театра, артисты приступили к обсуждению 2-го отдела своей будущей «конституции». Однако, как записано в протоколе, «из происшедших при чтении прений выяснилось, что рассмотрение Статута займет чрезвычайно много времени, а между тем вопрос о дальнейшем существовании театра настолько срочен, что откладывать его до окончательного рассмотрения и утверждения его положительно невозможно, так как в ближайшее время необходимо приступить к работам по репертуару и личному составу на будущий сезон». В связи с этим было постановлено «теперь же срочно приступить к выработке Временного Общего положения об Управлении Малым театром, воспользовавшись для этого составленным Статутом и параллельно с этим рассматривать самый Статут». Для работы по созданию

¹ Можно лишь утверждать, что оно было вызвано не переменной в отношении Давыдова к текущим событиям, которое оставалось пессимистическим. 27 января 1918 года он писал А. Ф. Кони: «Я, как и Вы, не вижу в сколько-нибудь близком будущем какого-либо просвета, и не знаю, где та реальная сила, которая могла бы остановить стремительный уклон наш, — вернее, падение, — в бездну» [28, л. 82 об.]. Возможно, Давыдов рассчитывал путем уступок большевикам спасти Малый театр.

Временного положения на основе проекта Статута была избрана комиссия из трех человек (в нее вошли актеры С. А. Головин и М. Ф. Ленин и режиссер И. С. Платон) [26, л. 12–12 об.].

Скупой текст протокола показывает лишь итог прений и совершенно не отмечает роль, сыгранную делегацией от Моссовета в этом заседании. А эта роль между тем была немалой. Возглавлявшая делегацию Е. К. Малиновская докладывала А. В. Луначарскому: «Нам было заявлено весьма в ультимативной форме следующее: они 8 месяцев работали и выработали статут, кот [орый] в ближайшее время представят нам на рассмотрение. Мы примем его — они останутся, не примем — уйдут все». Малиновская не согласилась с такой постановкой вопроса. «Легко удалось доказать, что ультиматум неуместен, что можно в деталях не сойтись, лишь бы существенного разногласия не было. Оказалось, что написанный Южиным статут они не разбирали, и в конце заседания нам было предложено войти во все их комиссии для совместной² работы. Мы им обещали сохранение договоров до конца сезона и автономию, которую мы понимаем так: договариваемся детально как о планах работы, так и об их органах самоуправления, утверждаем их бюджет и предоставляем им провести в жизнь все установленное. Наш контроль за исполнением осуществится тем, что мы имеем места во всех органах руководящих, но не исполнительных, для ознакомления». После достижения этого соглашения «“статут” отложили, ибо он не удовлетворяет никаким требованиям, и совместно вырабатываем новый. Все наши предложения принимаются охотно» [12, с. 39–40]. Таким образом, руководители Малого театра в гораздо большей степени согласились координировать свою работу с представителями большевистской власти, чем это можно было бы представить, знакомясь лишь с протокольной записью заседания 30 января.

На следующий день, 1 (14 н. ст.) февраля 1918 года, впервые после долгого перерыва (с ноября) состоялось заседание РХК Малого театра. Председательствующий О. А. Правдин сообщил членам комитета, что «несмотря на тяжелое время, переживаемое страной, на массу отрицательных внешних явлений, имевших влияние на жизнь театра, и даже на несчастье — разгром театра и остановка спектаклей почти на месяц — прошедший сезон был очень удачен для театра в материальном отношении, что выразилось приблизительно в сумме [на] 35 тыс. большей, чем в прошлом сезоне». Озвучив эту приятную новость (впрочем, в расчет, насколько можно судить, не была взята сумма ущерба от разгрома театра), Правдин продолжил свое выступление, перейдя к организационным вопросам, напрямую затрагивавшим членов комитета. Он подчеркнул, что с утверждением Статута театра («которое произойдет в ближайшем будущем») деятельность РХК «оканчивается и он передаст свои функции выборному Совету коллектива». Выступивший вслед за Правдиным режиссер И. С. Платон поставил вопрос о возможности осуществления запланированной постановки «Декабриста» ввиду «предстоящих общих собраний артистов труппы

² В подлиннике это слово подчеркнуто, в публикации — выделено разрядкой [55, л. 1 об.].

для обсуждения и утверждения Статута театра» и вынужденного непосещения актерами репетиций, на что РХК, «считая необходимым для всех артистов труппы участие в будущих заседаниях», решил постановку «Декабриста» несколько «отодвинуть», с тем, однако, чтобы осуществить ее не позднее 10 марта н. ст. Другие же новые постановки, намеченные до конца сезона, было решено пока отложить. На этом история РХК Малого театра, возникшего после Февральской революции, завершилась; спустя три недели, как указано в дополнении к последнему протоколу, Правдин передал всю книгу протоколов РХК «избранному 21/6 февраля[/марта] правлению Московского Государственного Малого театра» [15, л. 54–55].

«Февральская» эпоха в Малом театре подходила к концу. Пережив в начале ноября яркую вспышку гнева и возмущения действиями «вандалов», безжалостно разгромивших «Дом Щепкина», «Дом Островского», труппа попыталась определить свое место в новой политической реальности. Если до 2 января, пока в Петрограде еще существовало сформированное при Временном правительстве Управление государственными театрами во главе с Ф. Д. Батюшковым, можно было надеяться на сохранение некоторой «нормальности» и прежних административных отношений, усиленных всячески подчеркиваемым в то время принципом «автономии» (фактически тогда имевшим антибольшевистскую направленность), то в январе ситуация изменилась. Положение «непримиримых» во главе с Южиным, по идейным причинам сопротивлявшихся подчинению ставленникам ленинского правительства, становилось с каждым днем сложнее. В самом конце месяца незначительный перевес в театре приобрели сторонники Правдина, полагавшего какое-то соглашение с большевиками неизбежным, при условии их невмешательства во внутреннюю жизнь театра. Однако до каких пределов театру удастся отстоять свою автономию — предстояло выяснить в будущем, при работе над «Временным положением», которая в конце января 1918 года только началась.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. РГАЛИ. Ф. 878. Оп. 1. Д. 212.
2. Князевская Т. Б. Южин-Сумбатов и советский театр. М.: Искусство, 1966. — 200 с.
3. Гордеев П. Н. «Хочется идти к вам и своими руками очистить дорогой театр от скверны, занесенной стихийным безумием»: разгром Малого театра в начале ноября 1917 г. // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2022. № 3. С. 53–72.
4. Родя. Арабески // Театр. 1917. 9–11 ноября. С. 5–6.
5. РГАЛИ. Ф. 878. Оп. 1. Д. 1418.
6. Гордеев П. Н. Государственные театры России в 1917 году. СПб.: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2020. — 856 с.
7. Рукописный отдел Института русской литературы РАН. № 15227.
8. РГАЛИ. Ф. 878. Оп. 1. Д. 114.
9. ГЦТМ. Ф. 217. № 2069.
10. Московский военно-революционный комитет. Октябрь — ноябрь 1917 г./сост. В. А. Кондратьев. М.: Московский рабочий, 1968. — 304 с.
11. ГЦТМ. Ф. 217. № 4821.

12. Советский театр. Документы и материалы. Русский советский театр. 1917–1921 / отв. ред. А. З. Юфит. Л.: Искусство. Ленинградское отделение, 1968. — 548 с.
13. Санкт-Петербургская государственная театральная библиотека. Отдел рукописей и редкой книги. Ф. 1. № 873.
14. ГЦТМ. Ф. 217. № 3798.
15. РГАЛИ. Ф. 649. Оп. 1. Д. 13.
16. Гиппиус З. Н. Стихотворения. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1999. — 591 с.
17. ГЦТМ. Ф. 217. № 4823.
18. Театральный день // Театр. 1917. 15–17 ноября. С. 5.
19. [Объявления] // Новости сезона. 1917. 18–19 ноября. С. 1.
20. Зограф Н. Г. Малый театр в конце XIX — начале XX века. М.: Наука, 1966. — 603 с.
21. Хроника // Новости сезона. 1917. 23–25 ноября. С. 3–4.
22. Волин В. Малый театр. Уайльдковский спектакль // Театральная газета. 1917. 17 декабря. С. 6–8.
23. Хроника // Театр. 1917. 9–11 ноября. С. 5.
24. Вильде Н. Наивная безнравственность. (По поводу возобновления «Бешеных денег») // Рампа и жизнь. 1918. № 2–3. С. 7–8.
25. ГЦТМ. Ф. 217. № 4943.
26. РГАЛИ. Ф. 649. Оп. 1. Д. 2.
27. Золотницкий Д. И. Академические театры на путях Октября. Л.: Искусство. Ленинградское отделение, 1982. — 343 с.
28. ГА РФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 1700.
29. РГАЛИ. Ф. 878. Оп. 1. Д. 1695.
30. ГЦТМ. Ф. 217. № 780а.
31. Мы [Кугульский С. Л.]. У рампы // Новости сезона. 1918. 6–8 января. С. 5.
32. Театральный день // Театр. 1918. 3–4 января. С. 5.
33. Хроника // Новости сезона. 1917. 21–23 декабря. С. 5.
34. Родя. Арабески // Театр. 1917. 30–31 декабря. С. 7.
35. Театральный день // Театр. 1917. 14–16 декабря. С. 4.
36. Театральный день // Театр. 1918. 18–20 января. С. 4–5.
37. Родя. Арабески // Театр. 1918. 9–11 января. С. 6.
38. Театрал. «Американцы» // Театр. 1918. 24–25 февраля. С. 3.
39. ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 38. Д. 60.
40. К. [Кугульский С. Л.]. Кризис Государственных театров // Новости сезона. 1917. 17–18 декабря. С. 3–4.
41. Театральный день // Театр. 1918. 9–11 января. С. 5.
42. Театральный день // Театр. 1918. 14–15 января. С. 4.
43. Театральный день // Театр. 1918. 23–24 января. С. 4.
44. Родя. Арабески // Театр. 1917. 10–11 декабря. С. 6.
45. Хроника // Рампа и жизнь. 1918. № 1. С. 7–8.
46. Хроника // Рампа и жизнь. 1918. № 2–3. С. 10–11.
47. Хроника // Рампа и жизнь. 1918. № 4. С. 10–12.
48. Театрал. Москва, 23 января // Театр. 1918. 23–24 января. С. 3.
49. Хроника // Рампа и жизнь. 1918. № 5. С. 9–10.
50. Театрал. Москва, 13 января // Театр. 1918. 14–15 января. С. 3–4.
51. Г. Луначарский и Московские театры // Новости сезона. 1918. 16–17 января. С. 5.
52. Об охране дворцового и удельного имуществ // Известия Московского совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 25 ноября. С. 2.
53. Ло [Мунштейн Л. Г.]. Серафимовичу (Открытие) // Рампа и жизнь. 1918. № 1. С. 12.
54. Гордеев П. Н. 2 января 1918 г.: день, когда большевики подчинили государственные театры // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 84. С. 11–17.
55. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. Р-2551. Оп. 1. Д. 2096.

1. Russian State Archive of Literature and Art (RGALI). Fond 878. Op. 1. D. 212.
2. Knjazevskaja T. B. *Juzhin-Sumbatov i sovetskij teatr* [Yuzhin-Sumbatov and the Soviet Theatre]. Moscow: Iskusstvo, 1966. 200 p.
3. Gordeev P. N. "Hochetsja idti k vam i svoimi rukami ochistit' dorogoj teatr ot skverny, zanesennoj stihijnym bezumiem": razgrom Malogo teatra v nachale nojabrja 1917 g. ["I Want to Come to You and Free My Dear Theatre from the Filth Brought by Spontaneous Madness": The Destruction of the Maly Theatre in Early November, 1917]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 8: Istorija*. 2022, no. 3, pp. 53–72.
4. Rodja. Arabeski [Arabesques]. *Teatr*. 1917, November 9–11, pp. 5–6.
5. RGALI. Fond 878. Inv. 1. Case 1418.
6. Gordeev P. N. *Gosudarstvennye teatry Rossii v 1917 godu* [State Theatres of Russia in 1917]. Saint Petersburg: Izdatelstvo RGPU n. a. A. I. Gerzen, 2020. 856 p.
7. Manuscript Department of the Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences. № 15227.
8. RGALI. Fond 878. Inv. 1. Case 114.
9. A. A. Bakhrushin State Central Theatre Museum (GCTM). Fond 217. № 2069.
10. *Moskovskij voenno-revoljucionnyj komitet. Oktjabr' — nojabr' 1917 g.* [Moscow Military Revolutionary Committee. October — November 1917]. Comp. by V. A. Kondrat'ev. Moscow: Moskovskij rabochij, 1968. 304 p.
11. A. A. Bakhrushin State Central Theatre Museum (GCTM). Fond 217. № 4821.
12. *Sovetskij teatr. Dokumenty i materialy. Russkij sovetskij teatr. 1917–1921* [Soviet Theatre. Documents and Materials. The Russian Soviet Theatre. 1917–1921]. Ed. by A. Z. Jufit. Leningrad: Iskusstvo. Leningradskoe otdelenie, 1968. 548 p.
13. Saint Petersburg State Theatre Library. Department of Manuscripts and Rare Books. Fond 1. № 873.
14. A. A. Bakhrushin State Central Theatre Museum (GCTM). Fond 217. № 3798.
15. RGALI. Fond 649. Inv. 1. Case. 13.
16. Gippius Z. N. *Stihotvorenija* [Poems]. Saint Petersburg: Gumanitarnoe agentstvo "Akademicheskij proekt", 1999. 591 p.
17. A. A. Bakhrushin State Central Theatre Museum (GCTM). Fond 217. № 4823.
18. *Teatral'nyj den'* [Theatre Day]. *Teatr*. 1917, November 15–17, p. 5.
19. (Ob'javlenija) [(Announcements)]. *Novosti sezona*. 1917, November 18–19, p. 1.
20. Zograf N. G. *Malyj teatr v konce XIX — nachale XX veka* [Maly Theatre in the Late 19th — Early 20th Century]. Moscow: Nauka, 1966. 603 p.
21. *Hronika* [The Chronicle]. *Novosti sezona*. 1917, November 23–25, pp. 3–4.
22. Volin V. *Malyj teatr. Uajl'dovskij spektakl'* [Maly Theatre. Wilde's Play]. *Teatral'naja gazeta*. 1917, December 17, pp. 6–8.
23. *Hronika* [The Chronicle]. *Teatr*. 1917, November 9–11, p. 5.
24. Vil'de N. *Naivnaja beznравstvennost'*. (Po povodu vozobnovlenija "Beshenyh deneg") [Naive Immorality. (About the Return of Crazy Money Performance)]. *Rampa i zhizn'*. 1918, no. 2–3, pp. 7–8.
25. A. A. Bakhrushin State Central Theatre Museum (GCTM). Fond 217. № 4943.
26. RGALI. Fond 649. Inv. 1. Case. 2.
27. Zolotnickij D. I. *Akademicheskie teatry na putjah Oktjabrja* [Academic Theatres on the Rails of October]. Leningrad: Iskusstvo. Leningradskoe otdelenie, 1982. 343 p.
28. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fond 564. Inv. 1. Case. 1700.
29. RGALI. Fond 878. Inv. 1. Case 1695.
30. A. A. Bakhrushin State Central Theatre Museum (GCTM). Fond 217. № 780 a.
31. Mi[Kugul'skij S. L.]. *U rampy* [At the Ramp]. *Novosti sezona*. 1918, January 6–8, p. 5.
32. *Teatral'nyj den'* [Theatre day]. *Teatr*. 1918, January 3–4, p. 5.
33. *Hronika* [The Chronicle]. *Novosti sezona*. 1917. December 21–23, p. 5.
34. Rodja. Arabeski [Arabesques]. *Teatr*. 1917, December 30–31, p. 7.
35. *Teatral'nyj den'* [Theatre Day]. *Teatr*. 1917, December 14–16, p. 4.
36. *Teatral'nyj den'* [Theatre Day]. *Teatr*. 1918, January 18–20, pp. 4–5.
37. Rodja. Arabeski [Arabesques]. *Teatr*. 1918, January 9–11, p. 6.
38. *Teatral. "Amerikancy"* ["Americans"]. *Teatr*. 1918, February 24–25, p. 3.
39. GARF. Fond A-2306. Inv. 38. Case 60.

40. K. [Kugul'skij S. L.]. *Krizis Gosudarstvennyh teatrov* [Crisis of State Theatres]. *Novosti sezona*. 1917, December 17–18, pp. 3–4.
41. *Teatral'nyj den'* [Theatre Day]. *Teatr*. 1918, January 9–11, p. 5.
42. *Teatral'nyj den'* [Theatre Day]. *Teatr*. 1918, January 14–15, p. 4.
43. *Teatral'nyj den'* [Theatre Day]. *Teatr*. 1918, January 23–24, p. 4.
44. *Rodja. Arabeski* [Arabesques]. *Teatr*. 1917, December 10–11, p. 6.
45. *Hronika* [The Chronicle]. *Rampa i zhizn'*. 1918, no. 1, pp. 7–8.
46. *Hronika* [The Chronicle]. *Rampa i zhizn'*. 1918, no. 2–3, pp. 10–11.
47. *Hronika* [The Chronicle]. *Rampa i zhizn'*. 1918, no. 4, pp. 10–12.
48. *Teatral. Moskva, 23 janvarja* [Moscow, January 23]. *Teatr*. 1918, January 23–24, p. 3.
49. *Hronika* [The Chronicle]. *Rampa i zhizn'*. 1918, no. 5, pp. 9–10.
50. *Teatral. Moskva, 13 janvarja* [Moscow, January 13]. *Teatr*. 1918, January 14–15, pp. 3–4.
51. *G. Lunacharskij i Moskovskie teatry* [Mr. Lunacharsky and Moscow theatres]. *Novosti sezona*. 1918, January 16–17, p. 5.
52. *Ob ohrane dvorcovogo i udel'nogo imushhestv* [On the Protection of Palatial and other Private Property]. *Izvestija Moskovskogo soveta rabochih i soldatskih deputatov*. 1917, November 25, p. 2.
53. Lo [Munshstejn L. G.]. *Serafimovichu (Otkrytka)* [To Serafimovich (Postcard)]. *Rampa i zhizn'*. 1918, no. 1, p. 12.
54. Gordeev P. N. *2 janvarja 1918 g.: den', kogda bol'sheviki podchynili gosudarstvennye teatry* [January 2, 1918: The Day when the Bolsheviks Subordinated the State Theatres]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija*. 2023, no. 84, pp. 11–17.
55. Central State Archive of St. Petersburg. Fond R-2551. Inv. 1. Case. 2096.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Гордеев Петр Николаевич — доктор исторических наук, старший научный сотрудник кафедры русской истории (XIX–XXI вв.) Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: petergordeev@mail.ru

ORCID: 0000-0003-2842-4297

ABOUT THE AUTHOR

Petr N. Gordeev — D. Sc. in History, Senior Researcher of Department of Russian History (19th–21st centuries), Herzen State Pedagogical University of Russia.

E-mail: petergordeev@mail.ru

ORCID: 0000-0003-2842-4297

Статья поступила в редакцию: 22.11.2023

Отредактирована: 29.12.2023

Принята к публикации: 13.01.2024

Received: 22.11.2023

Revised: 29.12.2023

Accepted: 13.01.2024

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Гордеев П. Н. «Дом Островского» и революция: Малый театр в октябре 1917 — январе 1918 года // Театр. Живопись. Кино. Музыка. 2024. № 1. С. 10–27.

DOI: 10.35852/2588-0144-2024-1-10-27

EDN AVWJXF

FOR CITATION

Gordeev P. N. *Ostrovsky's House and the Revolution: The Maly Theatre in October 1917 — January 1918*. *Theatre. Fine Arts. Cinema. Music*. 2024, no. 1, pp. 10–27.

DOI: 10.35852/2588-0144-2024-1-10-27

EDN AVWJXF